СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Имя члена Союза писателей, переводчика и публициста Армена Оганесяна часто можно встретить на страницах республиканской печати. Благодаря переводам А. Оганесяна армянские читатели познакомились с двухтомной антологией «Русский советский рассказ», произведениями Алексея Толстого, К. Куприна, М. Булгакова, И. Бабеля, Ю. Олеши, В. Шукшина, Н. Белова. Сейчас надеюсь он завершит перевод романа А. Гайдара «Дети Арбата».

Армен Оганесян

КОГО НЕ КРАСИТ ДОЛЖНОСТЬ?

Никогда еще культурный вклад нашей республики в культуру братских народов не был столь скромным, столь незначительным, как теперь. Увы, мы лишились удобной возможности прикрываться, как щитом, великими Сарьяном и Хачатуряном, а заменить их пока некем. Все это больно сознавать, и я не раз уже спрашивал себя: возможно, я слушаю краски, когда говорю или пишу о артистическом состоянии нашего кинематографа и музыкального искусства, о нашем телерадиовещании, литературных и театральных делах? Быть может, я сужу поверхностно, не замечая наших достижений?

Но тогда чем же объяснить горячую поддержку всех моих сомнений в неофициальных кругах, среды простых работников культуры и упорное равнодушное замалчивание всех проблем со стороны официальных органов? Кстати, попытки обвинять нашу интеллигенцию, в особенности молодежь, в недостатке гражданской активности, ссылаться на отсутствие общественного мнения бесспорными — оно всегда существует. Беда лишь в том, что никто его не учитывает.

Мне доводилось несколько раз бывать на встречах писателей и журналистов с первым секретарем ЦК Компартии Армении К. Демиряном. На них поднимались вопросы сельского хозяйства, промышленности, строительства, экологии, но вот серьезного обсуждения назревших творческих проблем, важнейших задач культуры почти не было. Причем нашего мнения на этот счет никто не спрашивал — очевидно, никого оно и не интересует. Живет культура по остаточному принципу, а те руководители, что отвечают за состояние дел на этом фронте, обходятся пока на нем без перемен. Еще сильна, живуча в нас инерция мышления, велика боязнь утратить привилегии, добытые «служебным рвением».

...Очевидец тот факт, что уже более четверти века армянский кинематограф блуждает в потемках. Мнения на этот счет высказываются на обсуждениях самых различных уровней (смешных своей бесплодностью), однако положение не меняется, да и не может измениться к лучшему, потому что в существо-то некому менять.

Нет у нас по-настоящему творческой атмосферы, кино долгое время находилось в ведении некомпетентных, не понимающих его чиновников, способных лишь создать талантливым людям невыносимые условия работы.

Наконец-то для киностудии «Армениафильм» стал Параджанов — известный режиссер, народный артист СССР Ф. Довлатян. Пожалны его попытки вернуть армянскому кино признанных мастеров (С. Параджанова, Р. Баляна, А. Пелешяна), для которых по разным причинам двери киностудии были закрыты. Однако и режиссеры, и кинокритика не могут не выразить сомнения в художественных достоинствах сценариев, намеченных к производству фильмов. Значит, придется «экспериментировать» дальше? С какой целью? Обеспечить работой все тех же не состоявшихся режиссеров?

Достаточно прочитать замысловатые, «глубокомысленные» формулировки наших кинодеятелей, посмотреть всю мешанину, выходящую на большой экран, чтобы понять несостоятельность их творческих задумок. Ибо специфичен, неспособный выразить на родном языке самую невзрачную мысль, никогда, ни в какие времена не мог и не может способствовать развитию культуры.

Нет сомнения, что именно из этой словесной и смысловой невнятицы, из этих зыбких идейных, гражданских, патриотических позиций вырастают, обретают плоть ставшие стержнем наших фильмов последних лет полусумасшедшие мечтатели, одетые в лохмотья софисты, с большим опозданием извлеченные из замшелых кладовок верные и неоравнодушные, стенающие, облаченные в черное женщины в перетаскивающие из дома в дом свои комоды неприкаянные горемыки.

Сколько же еще нужно творческих просчетов, неудач наших ведущих кинематографистов, чтобы наконец понять, что хватит, доставлено уже немало горя, вызывающее экзотико-этнографический интерес, а в основе своей не сломившийся и создающий, чтящий своих предков и любящий свою землю народ. Экранизировать «дела давно минувших дней», [illegible] горячий, верный нашей современности — тут и мысль, и талант, и, главное, боль нужны, без которых просто слеп и глух художник. И мертва кинестудия, не сумевшая создать ничего существенного.

Весной в «Литературной газете» была опубликована статья азербайджанского писателя Ф. Годжи «И моя вина тоже» — о положении дел в Союзе писателей республики. Было бы неверно проводить прямые параллели, но если оставить в стороне перечисление мероприятий, пленумов, бесконечных взбиваемых в иных творчестве, то разве в творческом плане мы не столкнулись с похожей ситуацией?

Творческий союз вправе причислять к своим успехам лишь творческие достижения, лишь выполнение своей высокой миссии — активно участвовать в идейно-нравственном формировании человека, в духовной жизни общества. Между тем в минувший год ничем не запомнился читателю, нынешний год принес ему разве что до конца не выявившуюся болезненную редакцию на одно из произведений, а в издательских планах на ближайшее время нет ни одной по-настоящему интересной книги, проникнутой духом современности, нет ни заявок, ни рукописей.

Зато есть щедрый «урожай» избранных произведений писателей, достигших в не дорогих своего пятидесятилетия, но торопящихся стать классиками: «избранные» тома, куда зачастую входит все, что написано «юбиляром», мелкотравчатые душевные муки в прозе и в стихах, качество которых вызывает большие сомнения.

Вот уже два года союзные журналы печатают напоминание ранее и по известным причинам не публиковавшиеся повести, рассказы, романы, большие статьи, в которых писатели и публицисты исследуют проблемы прошлого и настоящего; создаются новые произведения, пишутся пьесы и ставятся спектакли, в то время как ни у одного из наших писателей ничего за душой не оказалось.

Более того, ни один из наших, увенчанных титулами, орденами, премиями писателей за редким исключением не сказал в печати своего авторитетного слова об актуальных проблемах сегодняшнего дня, о своем понимании тех задач, которые стоят перед республикой в этот бурный период перестройки, демократизации общества, гласности.

Мое беспокойство объясняется законным желанием видеть нашу творческую интеллигенцию выразителем как чаяний, забот, заветных дум и стремлений народа. О жизненной необходимости общения с Варпетом (народный поэт Армении Аветик Исаакян) пишутся воспоминания, отмеченные всеми оттенками ностальгии, а наши литературные авторитеты и осторожные критики пока не сказали ни слова. Разве не опасно это молчание теперь, после бурного потока комплиментов, которые размыли, сузили критерии, лишив тем самым молодое поколение писателей твердой почвы под ногами?!

Такой единственный в своем роде форум, каким должен быть возрожденный Праздник переводчика, из-за отсутствия именно творческих основ практически превратился в очередное мероприятие с насиженными «сколоченными» круглым столом, стал удобным поводом приобретать «друзей» с помощью раздачи бесчисленных премий.

Таким образом, в нашей литературе, на мой взгляд, назревает творческий кризис, имея перед собой «блестящий» пример Союза композиторов, который уже столько лет услаждает свои наделенные абсолютным слухом уши немерено-«кабинетными» отрепетициями, которые большей частью звучат в полупустых залах и затем остаются лишь в одном-единственном экземпляре или же в документах бухгалтерии Министерства культуры.

Сколько же еще лет мы будем наблюдать медленную агонию двух важнейших очагов музыкальной культуры — театра оперы и балета и филармонии. После создания объединения «Арминконцерт» филармония перестала существовать, а оперный театр после ремонта ничего иного, кроме роскошного интерьера, предложить зрителям не может.

Два года назад в журнале «Волны» («Ерк») впервые, хоть и мимоходом, и поделился своей озабоченностью состоянием этих дел, подчеркнув, что не может один человек возглавлять два огромных исполнительских коллектива — Государственный театр оперы и балета и академическую капеллу, что это рано или поздно обе коллектива приведет к краху. Случай такого [illegible] назвать в сознании не [illegible].

«Принять руководство театром,— писал О. Чекиджан в журнале «Советская музыка» шесть лет назад,— я вынашивал дерзкий замысел: привнести в нашу оперу и балет такое высокое сценическое искусство, чтобы Театр имени А. Спендиарова стал в один ряд с лучшими театрами страны».

Из всего внушительных, но так и не сбывшихся намерений О. Чекиджан сделал единственное, но воистину «дерзкое» нововведение — сократил штаты главного дирижера, главного балетмейстера и главного художника театра. Думаю, что никому не придет в голову поставить во главе двух больших заводов одного человека и спокойно наблюдать, как он росчерком пера ликвидирует должности главного инженера, главного конструктора, главного энергетика. Между тем в опере такое стало возможным.

В свое время из Министерства культуры, ни руководство театра не ответили и никак не прореагировали на выступление журнала «Волны», а в ноябре прошлого года «Советская музыка» дала всему этому исчерпывающую оценку. Не давно О. Чекиджана освободили от обязанностей директора оперного театра, тем самым подтвердив ошибочность его назначения. Но что с того? Ведь целых шесть лет потрачено впустую. А оперный театр вновь без руля и без ветрила.

Не лучше обстоят дела и в армянском театре. После прихода «Пэпо» и кратковременного руководства Е. Казанчяна в наш главный театр снова вернули Р. Капланяна, и начал он с... «Перепоплоха» («Хатабала»). Каламбур получается непроизвольно, и зритель по-прежнему не пойдет в театр, потому что с малых лет слышит названия «Ануш» и «Аршак II», «Хатабала» и «Высокочтимые попрошайки» и афиши с этими названиями читает с тех пор, как научился читать.

Речь не о классическом репертуаре, без которого нет театра, но ведь и нет театра только с классическим репертуаром (редкие современные пьесы не становятся для театра определяющими, а если становятся — тем хуже для них).

Каждый раз из репертуара снимаются спектакли (даже получившие положительную оценку), на создание которых было затрачено немало времени и сил. Они забываются, устаревают, затем (если возникает нужда) снова восстанавливаются, спешно «ремонтируются»— для наиболее ходкие, или годовщины. Во время этих «потрясений» коллектив лихорадит (за последние пять лет подобное случалось трижды), и от профессиональной неудовлетворенности, от ничегонеделания люди разворачивают иную деятельность, заводят интриги и междоусобицы, в ходе которых не щадят никого и ничего. И в этих условиях уже не может быть речи ни о традициях и опыте прежних лет, ни о критическом анализе режиссерской или актерской работы, ни о смене поколений, ни о новых рукописях, ни о художественно-социальной направленности творчества.

И разве наш театр так уж богат личностями, народными артистами СССР, чтобы такой талантливый и самобытный артист, как Ф. Мкртчян, в течение двадцати лет играл лишь Багдасара.

Назначение признанного мастера армянской режиссуры Р. Капланяна на должность художественного руководителя Театра имени Сундукяна всеяло надежды. Но, к сожалению, Капланян вскоре заболел, и академический театр начал сезон без творческого руководителя. Кто через несколько лет заменит Капланяна? Или опять прибегнут к порочной практике, когда один и тот же режиссер может поочередно возглавлять то Тюз, то Театр музкомедии, то главный театр республики? И поневоле спросишь о том, виноват не только мастер, который не позаботился о воспитании учеников, но и инстанции, не проявившие ни капли заинтересованности в подготовке достойной смены.

«В Ереване действуют 9 государственных и 6 народных радио- и телетеатры осуществили более 50 постановок»— такая отчетная арифметика призвана у нас заменить полнокровную творческую жизнь. И если мы решим посмотреть постановки только телетеатра (имеющего самого массового зрителя), то придем к весьма грустным выводам, ибо такую актерскую беспомощность, такую откровенно халтурную режиссерскую работу вряд ли где увидишь.

Когда анализируешь причины вот такого состояния культуры, то невольно думаешь о кадрах. Почему-то принято считать, что бывший партийный работник может руководить кем и чем угодно. И когда он не справляется с одним, его бросают на другой участок. Особенно вольготно таким горе-начальникам на культурной ниве. Тут есть где развернуться, и плоды твоей некомпетентности обнаружатся нескоро. Но ведь рано или поздно обнаружатся? И обнаруживаются. Ну а кто ответит за прошлые провалы? Да никто, оказывается.

Я далек от мысли, что выступаю в роли «первооткрывателя» некоторых истин, не хочу пропустить и этакие надменные обвинения, наблюдающим за тем, что происходит, сыскова. Но невольно возникает раздражение: сколько можно говорить, толочь воду в ступе? Армения — республика с давними богатыми культурными традициями. И сейчас не случайно наша земля талантами, есть у нас по-настоящему творческая, ищущая, способная решать многие вопросы молодежь. Но ей надо помочь проявить себя в полной мере. Беру на себя смелость утверждать, что культурная перестройка в отличие от, скажем, хозяйственной не требует ни дополнительных затрат, ни длительного времени. Здесь нужны лишь смелость и продуманность каждого конкретного шага, каждого назначения. Нужен принципиально новый подход к [illegible] в интересах дела.

Нашей визитной карточкой всегда были наука и культура. И вот сейчас они нуждаются, на мой взгляд, в глубоких коренных преобразованиях. Ибо мои дети, дети моих сверстников, а значит, наши дети не знают да неужели так и не узнают, что такое волшебство оперной и театральной сцены, не почувствуют всей прелести настройки музыкальных инструментов, не смогут искренне гордиться своей поэзией, своим кино, своей культурой? И мы не хотел, чтобы подобное когда-нибудь случилось.

Настоящую культуру не измерить ни высоким гонораром, ни большими тиражами книг и роскошных переплетах, ни почетными званиями и должностями. Она предполагает в первую очередь духовную, нравственную высоту человека.

Делать вид, будто мы не замечаем того, что видно невооруженным глазом, говорить и любить полупраду — значит оказаться у разбитого корыта. И те, кто не понимает этого, лишь «винтируют» озабоченность перестройкой, они и рады вроде бы плечо подставить, помогая партии в поистине титанических и благородных усилиях, но тайком — про себя усмехаются: дескать, как было, так и будет...

Надеюсь, не будет.

ЕРЕВАН.

Фото М. Калантара.